

Роман Вершилло

Вторичное упрощение. Опыт соединения понятий

06/20/22

Аннотация

Вторичное упрощение, согласно Константину Леонтьеву, есть не исконная простота государственной и Церковной жизни, а упрощение того, что в духовно здоровые времена было сложным, богатым своим содержанием и формами.

В последние годы я ищу подходы к проблеме патологического, то есть духовно больного, сознания. Духовным болезням было посвящено одно выступление, в котором я говорил о том, что ужасные упростили не позволяют задавать дальнейшие вопросы.

Такое упрощение есть не исконная простота государственной и Церковной жизни, а упрощение того, что в духовно здоровые времена было сложным, богатым своим содержанием и формами. Об этом вторичном упрощении много говорил Константин Леонтьев.

Вторичное упрощение в философии К. Н. Леонтьева

Константин Леонтьев предложил схему, которая описывает историю империй:

Первичная простота, затем цветущая сложность, и последняя стадия – вторичное упрощение. Потом наступает гибель.

Терминология

Сначала перечислим термины, встречающиеся у Леонтьева.

Свою схему Леонтьев называет законом формологического процесса.

Государственное разложение – под государственным разложением Леонтьев понимает причины и ход гибели великих государств.

Далее следуют признаки государственного разложения (собственно: один признак):

Смещение

Упрощение

Вторичное упрощение

Вторичное смещение

Упрощающее смещение

Синонимами смещения и упрощения Леонтьев называет: прогресс, реформу, революцию.

В общем, мы видим, что Леонтьев разными именами называет одно понятие, которое мы будем именовать «вторичным смещением».

Толкование

Теперь попробуем дать толкование этим понятиям.

Согласно Леонтьеву, формологический процесс диктует судьбы государств.

Расцвет Государство возникает в своей первобытной простоте. Затем оно расцветает, все стороны его жизни усложняются, потому что «идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгаящие стремления».[1, С. 384]

Гибель После цветущей и сложной эпохи «начинается процесс вторичного упрощения и смешения контуров, то есть большее однообразие областей, смешение сословий, подвижность и шаткость властей, принижение религии, сходство воспитания».[1, С. 393] Леонтьев называет это также «процессом сглаживания морфологических очертаний, процессом уничтожения тех особенностей, которые были органически (т. е. деспотически) свойственны общественному телу».[1, С. 384]

«Смещение составных элементов» предвещает окончательное вторичное упрощение прежних форм, то есть смерть.

К.Н. Леонтьев понимает «вторичное смешение» как «явление органическое, естественно-историческое, космическое», и оценивает его как «великое и убийственное движение».[2, С. 170]

Признаки смешения В чем же наблюдательный Леонтьев видит упрощение? Совсем не там, где его видят люди, ослепленные идеологическими предрассудками.

Политика В политике упрощение состоит в том, что теперь человек подчинен непосредственно государству. А в новом веке это так и есть, повсюду, во всех государствах. В теории нового государства и на практике антигосударств человек напрямую подчиняется государству, минуя Церковь, семью, общину, местную власть.

Кажется, что низший класс (демос) получает все больше личных гражданских прав и политического влияния на дела. На самом деле простой человек все более закабален высшей властью, но ему мерещится, что он демократически правит.

Философия Вторичное упрощение философии выражается в эклектике и феноменализме.[1, С. 381] Реализм феноменальный отвергает отвлекающую философию, метафизику. Возникают материалисты, деисты, атеисты.

Причины Какова же причина, движущая сила этого великого процесса упрощения? Леонтьев видит ее в психологии, то есть в психопатологии, болезни духа. Он конкретно указывает на гордость «самоуверенного и заносчивого гражданина».[1, С. 421]

Наш анализ

Что сомнительно

Можно многое сказать в осуждение этой схемы.

Во-первых, она метафизическая, оторвана от фактической истории, которую она призвана описывать.

Далее, РАСЦВЕТ – миф, да и первичная простота: не отголосок ли руссоистского мифа?

Вообще: процесс ли то, что описывает Леонтьев? Скорее, это цепь состояний, разделенная революциями и соединенная творческой фантазией в один «формологический процесс».

Нет никакого рокового «великого и убийственного движения». Человек – любой христианин – может остановить прогресс. Однако он почему-то этого не совершает, и это тоже нуждается в исследовании.

Что верно

При всем том, переход от пышности к вторичному упрощению Леонтьев определил совершенно точно. Видно, что он описывал то, что пронизательно видел вокруг себя в России и мире.

Леонтьев совершенно точно определил, что революция происходит не в эпоху народной простоты. Революция совершается, когда монархия достигла очень высокой степени сложности в своем развитии.

По ходу истории вопросы становятся всё сложнее, а ответы – всё убедительнее: вот вам и развитие. Вспомним богатейшее наследство св. Иоанна Кронштадтского, которого надо изучать как Святого отца.

В русской монархии многое можно было усовершенствовать. Диалог со все более сложными вопросами и ответами можно было бы продолжать. Но эти верные и сложные ответы были известны российским революционерам, и были отвергнуты ими именно как известные, «старые».

Далее Леонтьев указывает, что революции ведут не к дальнейшей сложности, то есть расцвету. Революционеры идут к простоте, и это простота не первобытная. Назад вернуться нельзя. Впереди только простота смешения: грязи, а не чистого вещества.

Смещение в Церкви

То же самое происходит и в Церкви с православными модернистами, с этими революционерами в Церкви.

В эпоху Чаадаева и Хомякова люди неожиданно перестают довольствоваться сложными ответами Церкви. В Церковь возвращается часть интеллигенции, которая не хочет и не способна участвовать в обсуждении важных вопросов, которое длилось на Руси веками.

Иначе говоря, новые люди уже были христианами. Они уже слышали о Христе, теперь слышат о Нем второй раз, и Он им не интересен.

Они хотели бы вернуться к очищенной природе Христианства, но к первичной простоте нельзя возвратиться. Тут Леонтьев прав.

Нет возврата и в эпоху цветущей сложности, в Синодальный период. И даже само будущее неподвластно нашим революционерам.

Тогда они возвращаются в грязь, как вымытые свиньи (2 Петр. 2:22), то есть к невозрожденной человеческой природе.

Программа церковных реформ – программа вторичного упрощения

Чтобы долго не описывать программу вторичного упрощения и смешения в Церкви, отсылаю читателей к программе реформ Восьмого вселенского собора и Межсоборного присутствия. Напомню только, что, согласно Леонтьеву, вторичное упрощение прежних форм есть смерть.

Человек невозрожденный

Сосредоточимся на главном упрощении Христианства.

Наиболее пронизательные модернисты обращаются к образцу человека невозрожденного благодатью Божией, лишенному помощи и милости Божией.¹

Отсюда универсальный совет современных нам модернистов: сначала надо стать человеком, а потом уже попытаться быть христианином. Отец Петр (Мещеринов) пишет:

---

¹ См. у сщмч. Виктора Глазовского: «Человек снова возвращается на путь естественного мышления и еще только „возможности“ своего спасения, и в муках отчаяния снова вопиет к Небу словами апостола Павла: „Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти“». [3, С. 383]

Прежде чем стать христианином, ему нужно осмыслить себя как личность и стать просто нормальным человеком. Может быть, сначала необходимо сказать о человеческом достоинстве, о здравомыслии, порядочности, воспитанности и о многих простых вещах, о которых наши соотечественники имеют, увы, очень малое представление, – и потом уже к этому прививать познание церковного учения и практики...[4]

Здесь примечательно упрощение сущности самого человека. Теперь предназначение человека не предстоять пред Богом, а просто быть самим собой: «осмыслить себя как личность».

Но это же и предельное упрощение Христианства: такого самосознательного человека, этого нового Каина и Иуду, Христос не может просветить. Точнее говоря, при соединении с такой душой Христианство превращается в грязь православного модернизма.

Смешано хорошее и дурное

Почему мы называем православный модернизм «грязью»? Потому что в нем смешано хорошее и дурное, и смешение это имеет вид некоторого единства, однородности, лучше сказать.

Например, когда говорят о единстве традиционных конфессий, то подразумевают экуменическое смешение. Рассмотрите такой повнимательнее экуменизм: это никакое не единство, единство ни в чем. Это просто люди и их беспорядочное общение.

Или вспомните поговорки вроде:

Если ты пришел в Церковь искать святых людей, то ты ошибся.

Мы сразу различаем светскую струю в этих размышлениях.

Да, в государстве есть и плохие и хорошие, но тоже не смешаны, а разделены. Государство делает хорошее из плохих людей, производит справедливость через суд над нечестными.

Но в Церкви! В Церкви не смешано плохое и хорошее, ересь и правоверие, грех и добродетель. Допусти это, и ты превратишь Церковь в светскую организацию.

Теперь, к 2022 году, мы дожили до таких времен, когда фактически это так: в православной Церкви соединены верующие и неверующие, праведные и проповедники безнравственности, даже люди церковные и раскольники.

Можно было бы различать их через суд. Нет, их не различают и запрещают различать другим. И делают это из принципа: чтобы сохранить иллюзию единой Церкви.

Такая «церковность» делает людей негодными ни на что: ни для Церкви, ни для мира. Она не позволяет им разобраться, что происходит. Вместо этого она дает ложную веру самообмана и ложное гностическое знание: как неправильно соединять правильное и неправильное.

Можно ли разделить смешение?

Пример Константина Леонтьева нам показывает, что даже одинокий мыслитель-христианин может видеть смешение и правильно разделять понятия. Такой мыслитель не спутает с расцветом Православия вторичное упрощение «Второго Крещения Руси», лжемиссии и православно-модернистского образования.

Да, это печальное знание. Оно лишает человека веры в силы человеческие.

Такое знание слишком сложно. Разговоры о единстве Церкви кажутся простыми и понятными, а разделение членов Церкви на модернистов и православных кажется трудным и непонятным.

Время цветущей сложности прошло, а мыслитель продолжает различать истину и ложь, ясное от неясного в вещах и понятиях.

В этом и состоит долг мыслящего человека.

Список литературы

- [1] *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. // Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. – Т. 7. Кн. 1. – С. 300–443.
- [2] *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. // Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. – Т. 8. Кн. 1. – С. 159–233
- [3] *св. Виктор (Островидов).* Новые богословы // Церковь. 1912. № 16. С. 381–383.
- [4] *Петр (Мецеринов), о.* Проблемы воцерковления. 2007. – 29 с.